

ВАРШАВСКІЙ ЕПАРХІАЛЬНЫЙ ЛИСТОКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ВАРШАВСКОЙ ПРІХОРЕЙСКОЙ КЛАДРАТѢ.

Адресъ Редакціи: Москва, Крымскій проѣздъ, № 3, кв. 9.

Рукописи должны доставляться въ Редакцію четко переписанными, за полною подписью автора и съ обозначеніемъ адреса. По усмотрѣнію Редакціи рукописи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ; авторы, несогласные съ этимъ, должны дѣлать оговорку предъ заглавіемъ рукописи.

ВЫХОДИТЬ

1 и 16
каждаго
мѣсяца.

Годовая цѣна 5 руб.

Статьи, присланныя безъ указанія гонорара, считаются бесплатными. Непринятые для печати рукописи возвращаются авторамъ или лично, или по почтѣ, если присланы марки на пересылку. Рукописи, не востребо-
ванные въ теченіе года, уничтожаются.

ОТДѢЛЪ I.

Высочайшія награды.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, 24 марта 1916 г., Все милостивѣйше соизволилъ, за отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военныхъ дѣйствій: на пожалованіе золотого наперснаго креста, на Георгіевской лентѣ изъ Кабинета Его Императорскаго Величества—исполняющему пастырскія обязанности въ передовомъ перевязочно-питательномъ отрядѣ Краснаго Креста, священнику Ченстоховской церкви, Варшавской епархіи, Димитрію Шимковичу и на сопричисленіе къ ордену Св. Владимира 4-й степени съ мечами — священника полевого подвижнаго госпиталя Аполлинарія Яновскаго (настоятель Слупецкой пограничной церкви).

Староста Варшавскаго Александро-Невскаго кафедральнаго собора, Дѣлопроизводитель Канцеляріи Варшавскаго Генералъ-Губернатора, статскій совѣтникъ К. I. Молчановъ за труды, понесенные при условіяхъ военнаго времени, произведенъ, за отличіе, 12 февраля 1916 года въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Епархіальныя извѣстія и распоряженія.

Сверхштатный Членъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ дѣйствительный статскій Совѣтникъ Иванъ Трофимовичъ Назарьевскій, жур-

нальнымъ опредѣленіемъ Варшавскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта отъ 29 февраля 1916 г. за № 1, за особые труды на пользу церковно-приходскихъ школъ Варшавской епархіи, избранъ Почетнымъ Членомъ Варшавскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, и Его Преосвященствомъ 8 марта сего года утвержденъ въ сей должности.

Г. Попечителемъ Варшавскаго Учебнаго округа, на мѣсто бывшаго Инспектора Народныхъ Училищъ д. с. с. И. Т. Назарьевскаго, назначенъ временно въ качествѣ Члена отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ составъ Членовъ Варшавскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта и. д. Инспектора училищъ г. Варшавы, стат. совѣт. Григорій Яковлевичъ Волковъ.

ОТДѢЛЪ II.

Впечатлѣнія госпитальнаго священника.

Окончаніе 1).

Интересъ къ книжному чтенію и къ церковно-богослужбному быту.

Книга—насущная потребность грамотнаго солдата. Съ удовольствіемъ читаютъ краткіе историческіе рассказы, въ особенности изъ военнаго быта, съ любопытствомъ разсматриваютъ иллюстрированныя изданія, живо интересуются газетой, но всему этому предпочитаютъ книжечки религіознаго содержанія, и главнымъ образомъ,

1) См. № 9.

житія святыхъ и церковныхъ, напр., молитвенники, сборники богослужбныхъ пѣснопѣній. Охотнѣе всего разбираются ранеными молитвословы. Нѣтъ солдата, даже неграмотнаго, который бы отказался отъ молитвенника. Когда раздаешь листки и брошюры, больше всего спрашиваютъ молитвословы. Евангеліе просятъ только хорошо грамотные. Не мало любителей церковно-славянскаго чтенія. Эти просятъ часословъ или псалтырь на славянскомъ языкѣ. Люди среднихъ лѣтъ, семейные, обнаруживаютъ большой интересъ къ церковно-богослужбному быту.

Передъ Рождествомъ Христовымъ тяжело раненый въ ногу хохоль совсѣмъ затосковалъ.

— Якъ бы що рождественское дали, батюшка, почитать.

Когда на слѣдующій день я принесъ № Приходскаго Чтенія съ напечатанною въ немъ рождественскою пѣснью Романа Сладкопѣвца на русскомъ языкѣ, доставилъ большое удовольствіе не только лирически настроенному хохлу, но и всѣмъ лежавшимъ съ нимъ въ палатѣ.

— Всей палатой читали, — говорили они потомъ съ удовлетвореніемъ.

Обходя палаты передъ праздникомъ Срѣтенія Господня, услышалъ сзади себя голосъ тяжело раненаго, но уже выздоравливающаго больного.

— Батюшко, поди сюда, я тебя спрошу.

— Въ чемъ дѣло?

— Правда, сказываютъ, Срѣтеніе въ этомъ году будетъ 1 февраля. Какъ же это такъ?

Вслѣдствіе ранняго празднованія Пасхи Срѣтеніе Господне падало въ прошломъ году на понедѣльникъ первой недѣли великаго поста и церковное празднованіе его уставомъ церковнымъ отнесено было къ 1 февраля. Когда я ему объяснилъ, чѣмъ вызвало такое исключительное празднованіе, онъ былъ очень доволенъ. Но еще болѣе удовлетворенъ онъ былъ, когда чрезъ нѣкоторое время я принесъ ему печатный листокъ съ разъясненіемъ его недоумѣнія.

Особенно замѣтенъ былъ подъемъ религіознаго настроенія и интереса къ церковному при приближеніи великихъ праздниковъ, съ которыми у больныхъ связаны были воспоминанія изъ жизни въ родныхъ мѣстахъ.

Назани.

Ихъ немного было въ госпиталѣ и среди немногихъ два обратили на себя вниманіе—одинъ трогательною заботливостью о своей лошади,

другой—глубокою любовью къ старикамъ родителемъ.

Первый былъ боленъ ревматизмомъ, но не желалъ оставаться въ госпиталѣ и все стремился на позиціи. Когда я ему говорилъ:

— Какъ же ты пойдешь на позиціи, когда температура у тебя ненормальная и подняться тебѣ трудно,—онъ отвѣчалъ:

— Какъ нибудь справлюсь. Кто же будетъ лошадь мою смотрѣть и кормить?

— Товарищъ посмотришь.

— Нѣтъ, товарищъ не будетъ ходить за ней такъ, какъ я. Мнѣ нужно ѣхать.

Другой раненый въ обѣ ноги и въ грудь, сознавая опасность своего положенія, просилъ заботившуюся о немъ сестру написать родителямъ о его положеніи, но написать *полегче*, представивъ дѣло такъ, что серьезной опасности нѣтъ, чтобы старики его не огорчились. „Вѣдь я у нихъ одинъ“, говорилъ онъ.

Иновѣрцы.

Война, устранивъ племенную, національную рознь, притупила и сдѣлала нечувствительными и разности религіозныя. Пріятно было видѣть какъ люди различныхъ религіозныхъ вѣрованій не только уживались, но и поддерживали дружескія отношенія, не ставя даже вопроса о разности національныхъ особенностей и религіозныхъ убѣжденій. Лежавшіе въ госпиталѣ составляли одну дружную семью и за все время никогда не приходилось наблюдать между ними розни. Ко мнѣ, какъ священнику, больные иновѣрцы относились съ неизмѣнною благожелательностью и съ небольшою предупредительностью, чѣмъ и свои православные. Въ общеніи съ ними я никогда не испытывалъ никакой неловкости. Поляки-католики, мусульмане, евреи такъ же охотно вступали въ бесѣду, дѣлились своими впечатлѣніями, какъ и православные. При совершеніи богослуженія католики, безъ малѣйшаго понужденія съ чьей бы то ни было стороны, всегда принимали участіе, прикладывались ко кресту, даже обижались, когда ихъ случайно, ненамѣренно обходили. Когда одному больному католику, долго лежавшему въ госпиталѣ и тосковавшему, что у него нѣтъ польской книги, я принесъ католическій молитвенникъ на польскомъ языкѣ и сборникъ католическихъ богослужбныхъ пѣснопѣній, онъ былъ чрезвычайно тронутъ и не находилъ словъ благодарности.

Онъ не остался въ долгу и получивъ вскорѣ послѣ этого 6 рублей изъ дому, убѣдительно просилъ меня принять 25 коп. на свѣчи въ церковь. Этотъ полякъ-католикъ, такъ ярко выразившій свою религіозную терпимость и примиренность, одинъ изъ многихъ ему подобныхъ бывшихъ въ госпиталѣ.

Общеніе съ больными и ранеными русскими воинами, въ теченіе семи мѣсяцевъ, наглядно показало намъ, какъ великъ въ своей скромности и смиреніи русскій народъ, какія могучія, творческія, но еще почти нетронутыя силы таятся въ немъ. Когда онъ развернетъ ихъ во всю ихъ ширь, тогда станетъ ясно, что онъ способенъ къ созданію не однихъ только чудовищно-разрушительныхъ смертоносныхъ орудій, а высшихъ духовныхъ цѣнностей, — къ устроенію жизни человѣческой на вѣчныхъ началахъ Христовой правды и любви.

Протоіерей В. Шингаревъ.

У нашихъ враговъ и у насъ.

Нѣсколько параллелей изъ современной жизни въ религіозно-философскомъ освѣщеніи 1).

Достопочтенное собраніе!

Настоящая война, уже втянувшая въ борьбу 13 государствъ, затрогиваетъ интересы всего человѣчества. Весь міръ съ живѣйшимъ интересомъ слѣдитъ за развитіемъ колоссальной и страшной кровавой драмы. Въ этой борьбѣ народовъ много новаго, необычайнаго, поразительнаго. Она ставитъ новыя задачи для человѣческой мысли и для грядущей культурной жизни человѣчества. Прежде всего поразительна ея колоссальность, которой нельзя было допустить и въ воображеніи. Въ ней столкнулись многомилліонныя арміи. Къ цѣлямъ войны приспособлены всѣ новѣйшія открытія науки и техническія усовершенствованія, добытыя въ мирное время, благодаря чему, война приняла необычныя формы и захватила сферы, которыя прежде были ей недоступны. Человѣчество осуществило свой сказочный бредъ о коврѣ-самолетѣ. Въ воздушномъ пространствѣ рѣютъ, аэропланы, дирижабли, цеппелины, „Ильи-Муромцы“, и первое примѣненіе нашли себѣ въ служеніи цѣлямъ войны: опережая арміи, они несутъ смерть и разрушеніе внутрь непріятельской

страны. Человѣкъ спустился и въ глубины морскія и тамъ плететь сѣти минныхъ загражденій для защиты отъ врага и въ подводныхъ лодкахъ выплываетъ навстрѣчу ему, подстерегаетъ въ пучинѣ свою добычу.

Но что особенно поражаетъ и заставляетъ призадуматься всякаго серьезнаго человѣка, это — страшная жестокость, которую проявляютъ наши враги по отношенію къ нашимъ военнопленнымъ и къ мирнымъ жителямъ занятыхъ ими областей, и ихъ пренебреженіе къ принципамъ человѣколюбія, начертаннымъ на всемірномъ знамени Краснаго Креста. Въ послѣдніе дни Россіи, да и весь міръ находится подъ впечатлѣніемъ новаго обнаруженія турецко-нѣмецкаго варварства, которое выразилось въ потопленіи нашего плавучаго госпиталя „Португаль“. Нельзя подыскать подходящихъ словъ для порицанія новой нѣмецкой гнусности. Безстыдная турецко-нѣмецкая ложь не можетъ скрыть преступленія; въ этомъ фактѣ очень ясно видны коварство и жестокость, лишеныя военнаго смысла.

Мы рѣшили остановить ваше благосклонное вниманіе на этой сторонѣ дѣла, чтобы взглянуть правдѣ въ глаза и уяснить смыслъ явленій съ точки зрѣнія не только германской, но и общечеловѣческой. Въ основу нашего чтенія полагаемъ правдивую повѣсть о нѣмецкой жестокости одного лица, которое въ теченіе 13-ти мѣсяцевъ находилось въ плѣну. Это воспоминанія калишскаго протоіерея о. Николая Васильевича Семеновскаго, напечатанныя имъ въ Варшавскомъ Епархіальномъ Листкѣ¹⁾. Не секретъ, что на ряду съ извѣстіями о нѣмецкой жестокости, распространяются слухи противоположнаго характера. Полезно услышать слово изъ устъ такого лица, правдивости котораго мы можемъ довѣрять вполне. Личность прот. Семеновскаго хорошо извѣстна мнѣ и нѣкоторымъ другимъ изъ здѣсь присутствующихъ.

По занятіи Калиша нѣмцами онъ былъ взятъ въ плѣнъ въ числѣ заложниковъ отъ г. Калиша. Какъ очевидецъ, онъ описываетъ обстоятельства занятія города, дальнѣйшую судьбу свою и своихъ товарищей по несчастью, а также положеніе нашихъ пленныхъ солдатъ въ Коттбусскомъ нѣмецкомъ лагерѣ, гдѣ калишскіе заложники прожили 6 мѣсяцевъ. Мрачная картина изображена у него. Воспроизводитъ такую картину тяжело, переживать что-нибудь подобное — горе-горькое!

¹⁾ Публичная лекція, читанная въ Сувальской мужской гимназіи въ г. Новосилѣ, Тульской губерніи, 25 марта 1916 г.

¹⁾ Варшавск. Епарх. Листокъ за 1915 г. №№ 16 — 19; за 1916 г. № 2—3.

Я не рѣшился бы переносить васъ въ эту мрачную область, но

„Чѣмъ ночь темнѣй,

Тѣмъ ярче звѣзды“.

Эти слова поэта даютъ глубокую мысль, которая расширяетъ рамки нашего чтенія и открываетъ предъ нами свѣтлыя точки, на которыхъ можно остановиться съ успокоенною душою.

I.

Жестокость нѣмцевъ въ отношеніи къ нашимъ военнопленнымъ и къ мирнымъ жителямъ занятыхъ ими областей.

Калишъ—самый крайній пунктъ на нашей западной окраинѣ; онъ расположенъ въ 2 в. отъ германской границы. 18 іюля 1914 года объявлена война, а въ Ильинъ день нѣмцы уже вступили въ Калишъ. Понятно, что въ теченіе однѣхъ съ половиною сутокъ не могъ эвакуироваться городъ, населеніе котораго превышало 50 тыс. человекъ. Многіе, желавшіе выѣхать, не успѣли. Не эвакуировалось даже казначейство, такъ что казначею Соколову пришлось предать сожженію бумажные денежные знаки, чтобы они не попали въ руки нѣмцевъ. За эту вѣрность служебному долгу г. Соколовъ заплатилъ жизнью отъ разъяреннаго врага. Понятно, не могъ уѣхать и о. Семеновскій, пока въ Калишѣ оставалась его паства. Но недолго ему пришлось здѣсь оставаться при нѣмцахъ—всего два дня.

Обратимся къ его воспоминаніямъ, которыя имѣютъ общій интересъ.

20-го іюля столь прославившійся свирѣпостью маіоръ Прейскеръ съ полкомъ вступилъ въ городъ. Несмотря на то, что президентъ Буковинскій съ представителями гражданъ встрѣтилъ его за городомъ съ заявленіемъ, что городъ оставленъ русскимъ правительствомъ и войсками, затѣмъ исправно уплатилъ 50 тыс. рублей контрибуціи, слѣдующій же день ознаменовался кровавою расправой съ городомъ. 21 іюля, въ 10—11 ч. веч., началась тревога, а затѣмъ стрѣльба, продолжавшаяся всю ночь. Нѣмцы стрѣляли по мирнымъ калишскимъ жителямъ изъ ружей и пулеметовъ, въ самомъ центрѣ города, начиная съ магистратской площади вдоль Варшавской, Вроцлавской и прилегающихъ къ нимъ улицъ. Утромъ очевидецъ сообщилъ о. Семеновскому, что на этихъ улицахъ лежитъ болѣе 200 человекъ убитыхъ мужчинъ и женщинъ, и нѣмцы никому не позволяютъ хоронить убитыхъ. Литургіи 22 іюля, въ

царскій день, служить не пришлось, потому что жителямъ было запрещено выходить на улицу. Въ 2 ч. дня пр. Семеновскій вызванъ къ Прейскеру, якобы „на совѣщаніе“. Кромѣ него оказались приглашенными: председатель Окружнаго суда т. с. А. А. Зеландъ, прелатъ Плошай съ двумя викаріями, уѣздный начальникъ Васильевъ, два нѣмца — Гандке и Шольцъ, купцы и фабриканты, начальникъ тюрьмы, президентъ города и еще нѣсколько чиновниковъ, всего 18 человекъ. Послѣ трехчасоваго ожиданія приглашенные приняты Прейскеромъ, который объявилъ имъ: „такъ какъ вчера въ городѣ кто-то позволилъ себѣ стрѣлять по моимъ солдатамъ, то я выхожу теперь за городъ; а чтобы не было новой такой же дерзкой попытки при нашемъ прохожденіи черезъ городъ, я беру васъ съ собою заложниками и предвараю, что если кто-нибудь выстрѣлитъ въ солдатъ, я поставлю васъ къ стѣнѣ ближайшаго дома и разстрѣляю“. Нѣмцы Гандке и Шольцъ были отпущены, а остальныхъ немедленно окружили нѣмецкіе солдаты и пѣшкомъ повели къ вокзалу; только больному Зеланду разрѣшено ѣхать на извозчикѣ. Сразу начались мытарства несчастныхъ заложниковъ. Вблизи вокзала изъ одного дома раздался выстрѣлъ изъ небольшого револьвера. „Это былъ, — говоритъ о. Семеновскій, — нѣмецкій провокаторскій приѣмъ“, но тотчасъ же раздалась грозная команда офицера: „ложись!“ И мы легли тутъ же на дорогѣ въ пыль и грязь, припавши лицомъ къ землѣ. Судя по себѣ, я полагаю, что каждый изъ насъ—заложниковъ въ этотъ моментъ мысленно простался со своею жизнью и съ милыми, дорогими его сердцу. Надъ нами началась ружейная стрѣльба солдатъ, которые были впереди, и рядомъ, и сзади насъ. Минуты черезъ 2—3 стрѣльба прекратилась и намъ приказано встать. Встали все кромѣ миллионера Френкеля. Что съ нимъ случилось? — лежалъ ли онъ въ обморокъ, или умеръ отъ разрыва сердца, или былъ убитъ нѣмцами, — мы рѣшить не могли, потому что насъ сейчасъ же повели къ вокзалу, а тѣло Френкеля нѣмцы ногами оттолкнули къ забору“. Потомъ оказалось, что на тѣлѣ Френкеля были 2 огнестрѣльные раны: онъ былъ убитъ нѣмцами. Нѣмецкія войска благополучно вышли изъ города, но заложниковъ не отпустили. Ихъ заставили созерцать, какъ нѣмецкая артиллерія дала 10 выстрѣловъ по городу; затѣмъ вывели ихъ въ поле, построили противъ нихъ солдатъ съ ружьями, обращенными въ ихъ сторону. „По-

лучилось,—говорить о Семеновской, — впечатлѣніе, что мы поставлены въ позицію къ разстрѣлу. Переживаемая подъ такимъ впечатлѣніемъ минуты показались вѣчностью“. Но ихъ не разстрѣляли, а повели дальше, остановили у батареи и офицеръ, выдѣливши о. Семеновскаго, сказалъ: „посмотрите, что мы будемъ дѣлать съ вашимъ Калишемъ“. Началась стрѣльба гранатами по городу. Дано было выстрѣловъ до 30. Далѣе по пути еще разъ поставили заложниковъ въ позицію для разстрѣла и, наконецъ, водворили на вѣтряной мельницѣ, гдѣ они прожили два дня. 18 человекъ по боковой лѣстницѣ забрались на мельницу и сѣли тамъ на мѣшки съ мукой, а иные высыпали муку на полъ и легли въ нее, какъ въ песокъ. Верхняя дверь заперта и при ней поставленъ часовой. „Полнѣйшая темнота, тѣснота помѣщенія, духота и другія неудобства мучительно отзывались на нашемъ тѣлѣ, а душа волновалась вопросомъ, что дальше будетъ“. На слѣдующій день утромъ заложникамъ дали первую пищу—кофе съ чернымъ хлѣбомъ, а пополудни—какой-то неопредѣленный супъ, не то гороховый, не то картофельный, чуть теплый, безъ мясного навару“.

24 іюля заложники съ мельницы увезены въ плѣнъ—въ Познань; 6 верстъ до желѣзнодорожной станціи шли пѣшкомъ, кромѣ больного Зеланда, о. Семеновскаго и прелата. По желѣзной дорогѣ ихъ везли въ арестантскомъ вагонѣ, нельзя было ни разговаривать, ни двигаться подъ угрозой разстрѣла. На каждой станціи они подвергались издѣвательствамъ звѣрски настроенной толпы. Особенно характерна встрѣча въ Познани. „На станціи собралась тысячная толпа нѣмецкихъ патриотовъ, очевидно, кѣмъ-то предваренныхъ о нашемъ прибытіи. Когда мы вышли изъ вагона, начался ревъ и стонъ черни, стоявшей на перронѣ и на площади при вокзалѣ, — посыпались отборная брань и проклятья по нашему адресу на нѣмецкомъ и исковерканномъ русскомъ языкѣ; въ воздухѣ замелькали руки то со сжатыми кулаками, то съ жестами, показывающими, что насъ надо повѣсить, застрѣлить. Нѣкоторые порывались проникнуть черезъ цѣпь окружающихъ насъ конвойныхъ солдатъ, чтобы оскорбить насъ дѣйствіемъ... Настроение толпы передалось и конвоировавшимъ насъ солдатамъ: они грубо построили насъ въ ряды и повели черезъ чуръ ускореннымъ шагомъ. А такъ какъ мы старики,—разумѣю себя и А. А. Зеланда,—не могли сойтись въ ногу или поспѣть за своими товари-

щами и конвойными солдатами, то послѣдніе подгоняли меня пинками и ударами сапоговъ, а г. Зеланда — кулаками въ спину. Надо замѣтить, что я былъ въ священнической рясѣ съ наперснымъ крестомъ на груди. Бѣдный А. А. Зеландъ совѣмъ изнемогъ отъ удушья и усталости и его взяли подъ руки прелатъ Плошай и президентъ Буковинскій“.

Въ Познани заложниковъ заключили въ тюрьму, въ одиночныя камеры. Въ теченіе недѣли всѣ поляки и евреи были освобождены, а оставшіеся пятеро русскихъ просидѣли здѣсь цѣлый мѣсяцъ, а затѣмъ переведены въ лагерь для военнопленныхъ въ Коттбусѣ.

Страницы о Коттбускомъ лагерѣ и жизни въ немъ—самыя поразительныя въ воспоминаніяхъ прот. Семеновскаго. Въ сокращенной передачѣ онѣ теряютъ много выразительности. Тутъ каждая строчка даетъ характерныя черточки. Но намъ приходится довольствоваться малымъ. „Конвойные солдаты говорили намъ, — пишетъ о. Семеновскій, — что въ лагерѣ построены хорошіе бараки, съ отдѣльными помѣщеніями для офицеровъ, что насъ, навѣрное, помѣстятъ съ послѣдними; а на самомъ дѣлѣ оказалось ничѣмъ не огороженное широкое поле, на которомъ, какъ овцы или вообще домашнія животныя, лежатъ на соломѣ, подъ открытымъ небомъ, наши бѣдные солдатики, прикрывшись шинелями, а за неимѣніемъ ихъ — прямо соломой. Здѣсь же ложиться приказано и намъ. Еле-еле мы упросили позволить намъ ночевать гдѣ-нибудь подъ крышей, и послѣ долгихъ споровъ и справокъ у начальства конвойные отвели насъ на ночлегъ въ ангаръ для аэроплановъ. Тутъ на соломѣ, брошенной на асфальтовомъ полу, легли мы отдохнуть послѣ утомительнаго переѣзда по желѣзной дорогѣ и послѣ длиннаго пути (4½ вер.) отъ города до лагеря“. Въ это время, какъ солдаты еще цѣлые мѣсяцы днемъ и ночью, въ дождь и непогоду оставались подъ открытымъ небомъ и валялись на землѣ, интеллигентныхъ заложниковъ помѣстили все-таки подъ крышей въ комнатѣ подъ трибуной для зрителей (лагерь былъ на скаковомъ полѣ), рядомъ съ комнатой для больныхъ солдатъ. Воздухъ въ комнатѣ былъ убійственный, насыщенный испареніями хлорной извести и карболовой кислоты; спать приходилось на полу, на соломенныхъ тюфякахъ и такихъ же подушкахъ; охи, вздохи и стоны больныхъ солдатъ раздавались цѣлыя сутки; изъ комнаты не было иного выхода, какъ черезъ от-

дѣленіе для больныхъ, — приходилось нерѣдко шагать черезъ больныхъ, лежащихъ на полу. Кормить стали солдатскою пищею, для которой трудно и названіе подыскать. Но потомъ положеніе заложниковъ улучшилось; ихъ помѣстили вмѣстѣ съ русскими врачами и они получили деньги, чтобы питаться на свой счетъ. Солдатамъ только къ половинѣ октября устроены 9 бараконъ, на 1000 чел. каждый. Но и тутъ было тѣсно и холодно. Для спанья солдатъ размѣстили въ два яруса. Для огрѣванія бараконъ въ каждомъ было только по одной желѣзной печкѣ. Но главное зло лагерной жизни — это голодъ и болѣзни. „Голодъ, — говоритъ прот. Семеновскій, — повсемѣстное явленіе въ нѣмецкихъ лагеряхъ военнопленныхъ. Объ этомъ намъ рассказывали врачи, съѣхавшіеся изъ разныхъ лагерей въ нашъ, когда здѣсь стала свирѣпствовать эпидемія сыпного, пятнистаго (головаго) тифа. И какъ не быть голоду, когда давалось солдату на день $\frac{3}{4}$ фунта хлѣба и то съ примѣсью въ немъ 20% картофеля! Супъ или похлебка готовились изъ неочищеннаго картофеля съ добавленіемъ брюквы или фасоли и немного молотаго мяса. И вотъ съ такимъ „обѣдомъ“ да при $\frac{3}{4}$ ф. хлѣба солдатъ оставался цѣлый день!“ Прот. Семеновскій приводит такой фактъ, котораго онъ былъ очевидцемъ вмѣстѣ съ врачомъ Никифоровымъ. Одинъ нашъ солдатикъ, съ блѣднымъ землянистымъ лицомъ ковыряетъ палочкой въ мусорной ямѣ, обсыпанной хлорной известью, и достаетъ оттуда мелкій, выброшенный изъ кухни картофель и картофельные обрѣзки и начинаетъ это ѣсть. „Что ты дѣлаешь? вѣдь ты отравился, заболѣешь отъ этого!“ — говоритъ ему врачъ Никифоровъ. „Больно ѣсть хочется“, — отвѣчаетъ ему солдатикъ. Съ трудомъ удалось отогнать его отъ помойной ямы. „Солдатамъ, которые наряжались на работы въ лагерь или внѣ его, нѣмцы давали полторы порціи хлѣба и супа, а потому желающихъ пойти на работы было болѣе, чѣмъ требовалось, остальные принуждены были жить впроголодь. Тяжело, жалко было смотрѣть на многихъ: лица матово-блѣдныя, зеленоватыя, глаза впали, щеки ввалились; иные еле держались на ногахъ, словно мухи въ позднюю осень“. Кое-что можно было купить въ нѣмецкой солдатской лавочкѣ, но цѣны тамъ были неимоверно высокія. Нашимъ врачамъ и фельдшерамъ запрещалось приносить что-нибудь солдатамъ подъ страхомъ тяжелой кары. А ужъ на что нѣмцы не были скупы, такъ на наказанія. „Не пойметъ или не разслышитъ солдатъ распоряженія караульнаго,

его сейчасъ кулакомъ по лицу или по шеѣ, либо прикладомъ въ спину или штыкомъ куда попало“. Или заставляли по 2—3 часа стоять столбомъ на трибунѣ, безъ пищи, во всякую погоду. Прот. Семеновскій вспоминаетъ особенно свирѣпаго коменданта генерала Винтерфельда, который, когда еще въ лагерь не было бараконъ, первымъ дѣломъ возвелъ высокій заборъ съ колючею проволокою и водрузилъ пулеметы и пушки на вышкахъ для устрашенія военнопленныхъ. Когда однажды солдаты заявили ему: „мы голодаемъ, просимъ прибавить хлѣба“, онъ, указывая на пулеметы, отвѣтилъ имъ: „вотъ я васъ накормлю этимъ, вы бунтовщики“. „Очевидно, добрая душа“, — заканчиваетъ пр. Семеновскій свою рѣчь объ этомъ генералѣ.

При такихъ антигигіеническихъ условіяхъ въ лагерь развились болѣзни и, наконецъ, сыпной тифъ. Въ октябрѣ болѣзнь усилилась, въ ноябрѣ стала грозною эпидеміей. Лагерь объявленъ за разнымъ. Замѣчательно, что нѣмецкіе врачи одинъ за другимъ оставили лагерь подъ предлогомъ выѣзда на фронтъ, а борются съ тифомъ предоставили русскимъ пленнымъ врачамъ. Нѣмецкіе солдаты отказались отъ общенія съ больными и вышли за ограду лагеря, чтобы нести службу только по внѣшнему караулу. Нѣмецкія власти выслали въ Коттбусъ изъ другихъ лагерей до 32 врачей съ 12 фельдшерами. Наблюденіе за порядкомъ въ лагерь и питаніе нашихъ солдатъ возложено комендантомъ на нашихъ врачей. Наши солдаты были чрезвычайно этому рады: ихъ лучше питали, лучше съ ними обращались. Но эпидемія уже развилась и не скоро прекратилась. Заболѣвало по 100 и болѣе человекъ въ сутки. 3 барака переполнились больными; одновременно лежало тифозныхъ до 3-хъ тысячъ (изъ 9-ти тысячъ военнопленныхъ). Въ декабрѣ слегло болѣе 20 врачей; изъ ихъ среды тифъ унесъ 5 жертвъ. Смертность среди солдатъ не превышала 3—4%. Но это требовало неимоверныхъ усилій со стороны врачей, при существовавшихъ антигигіеническихъ условіяхъ и обилии паразитовъ, — этихъ передатчиковъ тифозной заразы. „Неудивительно, — говоритъ о. Семеновскій, — что тифозная зараза быстро передавалась среди солдатъ, когда паразитовъ было „паче песка морскаго“. Здѣсь виновато не неряшество нашихъ солдатъ, какъ презрительно объясняли нѣмцы, а созданныя послѣдними антисанитарныя условія жизни въ плену. Солдаты взяты въ пленъ съ поля битвы, часто въ одной смѣнѣ бѣлья; ни самому вы-

мыться послѣ сидѣнія въ окопахъ, ни вымыть бѣлье, за неимѣніемъ не только бани, но вообще теплой воды и мыла, не было возможности. Тѣмъ, у кого не было запаснаго бѣлья, нѣмцы даромъ не давали (до развитія эпидеміи), а купить было и не на что и негдѣ. Прибавьте къ этому размѣщеніе плѣнныхъ по тысячѣ въ одномъ баракѣ и спанье въ два яруса, а передъ тѣмъ—скотообразное житье подъ открытымъ небомъ и спанье на землѣ на соломенной подстилкѣ! Диво ли, что развилось безчисленное множество паразитовъ, передававшихъ тифозный ядъ истощенному голодомъ тѣлу солдата!“

Приѣздъ въ Коттбусъ по случаю эпидеміи берлинскаго профессора Юргенса доставилъ заложникамъ возможность получить освобожденіе изъ плѣна. Прот. Семеновскій возвращенъ въ Калишъ, но мы не будемъ касаться его воспоминаній о пребываніи въ Калишѣ вплоть до возвращенія въ Россію, хотя и здѣсь много интереснаго: описаніе разрушеннаго города, нѣмецкихъ стѣсненій, шпіонства, полной безпомощности бѣдняковъ и т. п. И въ томъ, что мы передали, дано яркое подтвержденіе сообщеній о нѣмецкой жестокости и варварствѣ, которыя появлялись въ русской печати. Тутъ видимъ не только звѣрскую расправу съ мирными русскими гражданами, съ ни въ чемъ неповиннымъ, незащитнымъ городомъ, незаслуженное и безцѣльное тиранство и нравственныя пытки надъ заложниками, но и картину варварской систематической жестокости къ плѣннымъ воинамъ, несомвѣстимой съ понятіемъ о культурномъ человѣкѣ.

То же, что о. Семеновскій, въ большей или меньшей степени испытали и другіе. Во время перваго, кратковременнаго занятія Сувалокъ нѣмцами (30 августа — 23 сентября 1914 г.), тамъ оставался діаконъ А. Марцинкевичъ, старикъ подъ 70 лѣтъ, со своею супругой, уже много лѣтъ болязнію прикованной къ постели, и двумя дочерьми. Онъ самъ передавалъ, что въ первую недѣлю при нѣмцахъ онъ не только не выходилъ изъ дому, но и дома укрывался въ потайномъ мѣстѣ. Потомъ къ нему стали заходить нѣмцы, поселившіеся въ томъ же дворѣ, за разными услугами. Услугами и скромными угощеніями („чаемъ да картошкой“) діаконъ Марцинкевичъ умилостивилъ нѣмцевъ и могъ спокойно сидѣть дома, но нѣмцы приходили къ нему, принимали угощеніе, изучали русскую азбуку и разговаривали на военныя темы, хваля все свое и браня русскихъ и все русское. „Приходилось, говорить

діаконъ Марцинкевичъ, кривить душою: не воевать имъ, а поддакивать“. Къ концу нѣмецкаго пребыванія о. Марцинкевичъ настолько чувствовалъ себя въ безопасности, что свободно могъ ходить по городу, хотя и подвергался насмѣшкамъ. Положеніе, какъ видите, нравственно тяжелое; не всякій согласится кривить душою и поддакивать нѣмцамъ. Почти все остальные священнослужители Варшавской епархіи, попавшіе въ плѣнъ, увезены нѣмцами въ Германію и раздѣляютъ судьбу о. Семеновскаго въ томъ или другомъ лагерѣ для военноплѣнныхъ. Одна изъ сестеръ милосердія, командированныхъ по Высочайшему повелѣнію въ Германію для осмотра лагерей русскихъ военноплѣнныхъ, Н. И. Оржевская въ письмѣ къ покойному архіепископу Николаю, говоритъ, что въ сентябрѣ 1915 г. видѣла въ лагерѣ Гютерсло свящ. М. Паевского изъ Ново-Радомска, прот. Раевича и свящ. Яржемскаго изъ Плоцка и „положеніе ихъ тогда было поистинѣ ужасное“¹⁾.

Воистину, можно сказать, опять повторилось, что въ тѣхъ, кого мы долгое время имѣли своими учителями, Россія увидѣла враговъ „буихъ (дикихъ) и звѣронравныхъ“.

II.

Источникъ жестокости и одичалости нѣмецкой культуры въ протестантствѣ и нѣмецкой философіи.

„Не бойтесь,—говорилъ о. Семеновскій своей малой паствѣ предъ самымъ приходомъ нѣмцевъ въ Калишъ,—не бойтесь: нѣмцы люди культурные; это не турки-башибузуки, не язычники; они намъ, людямъ мирнымъ, не сдѣлаютъ зла, если мы будемъ вести себя корректно, сидѣть тихо, спокойно. Для военныхъ дѣйствій есть войска, съ ними и будутъ нѣмцы сражаться, а мы будемъ отсиживаться да Богу молиться. Вспоминая теперь эту бесѣду съ прихожанами—продолжаетъ о. Семеновскій, стыжусь и извиняюсь предъ ними за свой наивный оптимизмъ, навѣянный на насъ въ мирное время“. Такой же оптимизмъ раздѣляли и мы вначалѣ, когда надъ Сувалками только-что повисла темная туча войны. Да и все русскіе люди представляли нѣмцевъ людьми культурными, людьми мирнаго труда; ставили ихъ въ примѣръ трудолюбія, точности и аккуратности въ дѣлѣ. Мы высоко цѣнили нѣмецкую науку, технику, школу, промышленность, торговлю, хо-

¹⁾ Варш. Епарх. Листокъ, 1916 г., № 1.

зайство; восхищались и идеями гуманности, идеализма, которыми обвѣянь геній нѣмецкой философіи и литературы 1-ой половины XIX вѣка. Но подъ обаяніемъ положительныхъ достоинствъ нашего западнаго сосѣда мы не учитывали новыхъ вѣяній времени, не поняли того новаго духа, которымъ прониклась нѣмецкая культура 2-ой половины XIX вѣка и который такъ рѣзко проявился съ началомъ войны. Все эти насилія, издѣвательства и звѣрства, это коварство и нарушение общепризнанныхъ нормъ международныхъ отношеній (какъ разстрѣль учрежденій Краснаго Креста или потопленіе парохода-госпиталя)—оказываются не случайными вспышками звѣрскихъ инстинктовъ грубаго воина, нѣтъ, — это плодъ нѣмецкой культуры. Они въ духѣ не однихъ только германскихъ солдатъ, но и офицеровъ, генераловъ, бюргеровъ, ученыхъ, писателей, пасторовъ и женщинъ,—даже тѣхъ изъ нихъ, которые призваны облегчать страданья больныхъ, какъ сестры милосердія. Бывали случаи, когда нѣмецкія дикарки въ Пруссіи вѣроломно убивали и отравляли нашихъ воиновъ и приканчивали нашихъ раненыхъ ударами кинжала. Этотъ духъ жестокости прививался сознательно, воспитывался нѣмцами въ теченіе полустолѣтія и получилъ философское оправданіе у Ницше, который открыто провозгласилъ для нѣмцевъ новую заповѣдь: „Будьте жестоки!“

Между тѣмъ мы продолжали—съ голоса самихъ нѣмцевъ—считать нѣмецкую культуру вышею въ мірѣ, явно переоцѣнивая ея достоинство. Мы не могли забыть старой Германіи, представительницы моральныхъ силъ, свѣтившей всему человечеству свѣтомъ идеала,—той Германіи, настроеніе которой воспѣто Гейне въ его „Зимней сказкѣ“:

„Утопая въ перинѣ, всѣхъ нѣмцевъ душа
Забываетъ земныя оковы—

И, свободная, рвется она къ небесамъ,

Исчезаетъ и тонетъ въ эфирѣ...

Милыхъ нѣмцевъ душа! О какъ горды твой полетъ
Въ царствѣ сновъ, въ фантастическомъ мірѣ...

Пусть Россія и Франція правятъ землей,

На моряхъ—англичане велики;

Но въ обителяхъ грезъ, въ царствѣ сновъ золотыхъ,

Мы, безспорно, остались владыки.

Гегемоніи нашей здѣсь полный просторъ,

Здѣсь мы сильны и полны свободы...

И нѣтъ зависти въ нѣмцахъ, что тамъ, на землѣ,

Утвердились другіе народы ¹⁾.

Но то было... и миновалось.

Въ то время какъ съ развитіемъ эмпирическихъ наукъ матеріальная сторона жизни развивалась въ Германіи съ замѣчательнымъ успѣхомъ, идеальныя стремленія и моральныя силы уступали мѣсто холодному, расчетливому эгоизму индивида. Религія и просвѣтительная сила философіи,—эти двѣ силы, всегда способствующія одухотворенію и возвышенію культуры, пришли въ упадокъ.

Протестантство никогда не отличалось особенною сердечностью. 400 лѣтъ тому назадъ Лютеръ сочинилъ свое христіанство, имѣющее очень мало общаго съ духомъ христіанской любви и добродѣтели. Рационализмъ въ области религіи повелъ въ лютеранствѣ къ уничтоженію вѣры, какъ живой силы добра, живого движенія сердца, сердечной нѣжности, кротости, состраданія.

Лютеранское ученіе о спасеніи одною вѣрою, по принципу: „я вѣрю въ Спасителя и я спасенъ“, повело къ сердечному квіетизму и погасило пламя нравственнаго подвига и самопожертвованія. Въ практической жизни протестантъ холоднымъ умомъ разсчиталъ свои дѣйствія. Добродѣтель измѣрена, воплощена въ учрежденія,—такъ сказать, изгнана изъ человѣческой души и всецѣло перенесена въ общественный строй, подъ контроль разума.

Молитва—это „пульсъ религіи“ (еп. Теофанъ Затворникъ), пламя души. Это по опыту знаетъ всякій православный христіанинъ. Она и въ тиши уединенія и среди обильнаго притока религіозныхъ впечатлѣній, какія получаетъ православный христіанинъ въ храмѣ,—служитъ связью души со Христомъ и христіанизируетъ сердце. Эта сила есть въ Православіи, есть въ католичествѣ. Зайдите въ церковь или костелъ, вы увидите тамъ молящихся, увидите колѣнопреклоненныхъ, сосредоточенныхъ въ себѣ,—вы почувствуете, что тутъ есть Богъ,—есть Богъ и въ храмѣ и въ душахъ человѣческихъ. Ничего подобнаго вы не увидите и не почувствуете въ кирхѣ. Пусто, холодно, сухо; нѣтъ въ людяхъ духа вѣры, устремленія къ Богу, теплой молитвы. Пасторъ, правда, говоритъ проповѣдь. Онъ раскрываетъ обычную житейскую мораль; чувствуется, что рѣчь идетъ не отъ сердца, а отъ практическаго ума. Никакого одушевленія вѣры! Да и какъ ему быть, если многіе германскіе пасторы,

1) С. Любомудровъ—Изнанка нѣмецкой культуры, стр. 36—37.

не обвиняясь, открыто исповѣдуютъ свое невѣріе въ І. Христа, какъ Бога.

Не удивительно послѣ этого, что нѣмцы потеряли всякую совѣсть, ибо совѣсть жива только Богомъ. Неудивительно, что рука-объ-руку съ безсердечіемъ и жестокостью у нѣмцевъ идутъ и проявленія религіознаго изуверства. Извѣстны ихъ издѣвательства надъ православными и католическими святынями. Въ Сувалкахъ полковыя церкви нѣмцами были превращены въ конюшни и мѣста пьяныхъ оргій. Сувалкскій соборъ и римско-католическій костелъ, по милости Божіей, подверглись меньшему оскверненію: дня на 3—4 были обращены въ лазареты для раненыхъ нѣмцевъ. Но вотъ еще болѣе поразительный фактъ. Намъ приходилось слышать, что нѣмецкіе воины даже свящ. евхаристическіе сосуды своей нѣмецкой кирхи употребляли въ качествѣ бокаловъ для хмельныхъ напитковъ... Куда же идти дальше въ этомъ направленіи?! Нѣмецкое кощунство превосходитъ Валтасаровское и ожидаетъ своего рокового „мене, текель, пересъ“.

При такомъ упадкѣ христіанскаго духа въ протестантствѣ, вполне естественно, что руководство нравственною жизнью въ Германіи перешло къ безрелигіозной этикѣ и подъ ея вліяніемъ нѣмецкая душа дошла до глубины одичанія. Безрелигіозная мораль уже въ ученіи утилитаризма и альтруизма давно понизила нравственныя требованія до уровня обывательскаго обихода. Въ результатѣ же развитія эволюціонныхъ теорій мораль вылилась въ рѣзкой, дикой формѣ ницшеанства.

Ницше, какъ онъ выражается, произвелъ перемѣну нравственныхъ цѣнностей. Онъ объявилъ себя антихристомъ, отвергъ все то, что до сихъ поръ считалось добромъ въ христіанствѣ и внѣ христіанства. Въ парадоксальныхъ афоризмахъ своего сочиненія „Такъ говоритъ Заратустра“ онъ хочетъ поставить человѣка „по ту сторону добра и зла“, „выше науки и морали“, чтобы онъ могъ сдѣлаться „сверхъ-человѣкомъ“. „Человѣкъ,—говоритъ Ницше,—есть нѣчто, что должно превзойти. Всѣ существа до сихъ поръ создавали что-нибудь выше себя... Что такое обезьяна въ отношеніи человѣка? Посмѣшище, позоръ! Тѣмъ самымъ долженъ быть и человѣкъ для „сверхъ-человѣка“: посмѣшищемъ, позоромъ“... Но что же такое „сверхъ-человѣкъ“ и каковъ путь къ достиженію этого ницшеанскаго идеала? Въ прямомъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ Ницше утверждаетъ, что „сверхъ-человѣкъ“—это нѣчто неизвѣ-

стное, неопредѣлимое, это—„иксъ“. Это—то, что получится въ результатѣ разрушенія человѣческаго, въ результатѣ борьбы стремленій человѣческой личности, освободившейся отъ нравственныхъ узъ. Переносъ же разсужденія на практическую почву Ницше указываетъ нѣкоторыя черты, характеризующія его идеаль съ достаточною опредѣленностью.

Гуманность, состраданіе, самоотверженіе ради ближняго Ницше провозглашаетъ негодною „моралью рабовъ“, которая расслабляетъ человѣчество. Отъ всего этого надо освободиться. Истинная мораль, или по ницшеанской терминологіи—„мораль господъ“, это—„мораль силы“, воля къ власти; она считаетъ добродѣтелью не милосердіе и состраданіе, а жестокость, не любовь, а ненависть, не миръ, а войну. По Ницше, „для человѣка единственный критерій жизни—самъ онъ и его инстинкты“. Что естественно, то и хорошо; что въ жизни одержитъ верхъ, то и есть благо. Тутъ полный просторъ для низменныхъ инстинктовъ, насилія и преступленій. Эти подробности ученія Ницше слишкомъ рѣзки и характерны, чтобы можно было понимать сверхъ-человѣка, какъ хотѣлось бы нѣкоторымъ, въ смыслѣ символа вѣчнаго совершенствованія. Характеръ этого совершенствованія указанъ очень опредѣленно, какъ опредѣленно установлены и отношенія Ницше къ христіанству, демократіи, анархизму и всѣмъ проявленіямъ прогресса. Отвергая христіанскія нравственныя узы для злой воли и инстинктовъ, Ницше отрицаетъ и идеи гуманности и равенства, на которыхъ основываются стремленія социаль-демократіи; всѣ формы демократій предастъ поруганію. Соціалисты и анархисты, по Ницше, это представители морали рабовъ. Онъ врагъ всякой культуры и прогресса, которые уравниваютъ людей на началахъ права и справедливости, ограничиваютъ право сильнаго.

Этотъ культъ силы, амморальный (безнравственный) и безрелигіозный, особенно пришелся—по вкусу въ Германіи.

Со времени объединенія Германіи подъ главенствомъ Пруссіи, когда она разбогатѣла, стала въ ряду великихъ державъ, подъ вліяніемъ политическихъ удачъ, экономическихъ успѣховъ, а также подъ личнымъ вліяніемъ „железнаго“ человѣка (Бисмарка), въ ней стала развиваться и крѣпнуть идея всемірнаго политическаго господства Германіи при помощи „прусскаго кулака“. Девизомъ герм. политики стало: „сила подавляетъ право“. Идеологія Бисмарка съ успѣхомъ

распространялась среди нѣмцевъ, которыхъ все болѣе и болѣе охватывала манія величія, пренебреженіе къ другимъ народамъ и убѣжденіе, что нѣмцы — высшій изъ народовъ и имъ должно принадлежать господство надъ народами. Такъ идея моральнаго и культурнаго господства уступила мѣсто идеѣ политическаго господства въ самой грубой формѣ. Еще въ то время, когда въ нѣмец. общественномъ сознаниіи преобладалъ идеализмъ, Гейне замѣчалъ начатки этой опасности. „Съ безпокойствомъ смотрю я—пишетъ онъ—на прусскаго орла, и въ то время какъ другіе восхищаются тѣмъ, какъ онъ смѣло глядитъ на солнце, я останавливаю свое вниманіе на его когтяхъ“. Съ упадкомъ религіи и философской мысли эти „когти“ выросли до ужасающихъ размѣровъ. Развитие милитаризма и военной силы захватило все интересы нѣмцевъ. Протестантство оказалось безсильнымъ смягчить духъ народа, напротивъ, само подчинилось ему. Нѣмецкіе пасторы, къ ихъ позору, отказались высказаться противъ звѣрскаго способа веденія войны. А пасторъ Геймъ съ цинизмомъ пишетъ: „правда, что наши солдаты разстрѣливаютъ всѣхъ франц. и бельгійскихъ бездѣльниковъ-мужчинъ, женщинъ и дѣтей безъ разбора, а также, что нѣмцы разрушали ихъ жилища. Однако всякій, считающій, что это противно христіанскому ученію, лишь доказываетъ, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго представленія объ истинномъ духѣ христіанства“... И это говоритъ христіанскій пасторъ!

Въ философіи Ницше духъ жестокаго милитаризма нашелъ себѣ поддержку и оправданіе.

Но роль антихриста, сознательно принятая на себя Ницше, привела этого несчастнаго философа къ тому, что онъ лишился разсудка. Къ столь же плачевнымъ послѣдствіямъ ведетъ и примѣненіе ницшеанскихъ идей въ жизни человѣчества. Это и показываетъ намъ примѣръ Германіи, ея поведеніе во время войны, въ которой духъ антихриста всецѣло опочилъ на Германіи.

(Продолженіе будетъ).

Протоіерей А. Ситкевичъ.

Вѣсти изъ Варшавы и Царства Польскаго.

(Изъ газетъ).

Планы отстройки Польши.

Главный опекунскій совѣтъ въ Варшавѣ, которому при его возникновеніи нѣмцами была отведена весьма ограниченная сфера дѣятельности,

постоянно стремится расширить эту сферу. Недавно онъ обратился къ нѣмецкимъ властямъ съ требованіемъ передать въ его вѣдѣніе все про- довольственное дѣло. Теперь же представилъ имъ докладъ объ учрежденіи особаго „строительнаго отдѣла“ для общаго руководства отстройкой селеній и мѣстечекъ, пострадавшихъ отъ войны.

Докладъ главнаго опекунскаго совѣта указываетъ, что изъ общаго числа строеній, бывшихъ передъ войной въ Царствѣ Польскомъ,—приблизительно 3,600,000,—около 12% совершенно уничтожены, 25% повреждены настолько, что ими нельзя пользоваться, а еще многія требуютъ капитальнаго ремонта (по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, какъ сообщаетъ, напр., корреспондентъ „Echa Polskiego“, общая сумма убытковъ въ связи съ уничтоженіемъ или поврежденіемъ построекъ достигаетъ для Царства Польскаго 158 милліоновъ рублей).

Далѣе докладъ отмѣчаетъ, что уже теперь во многихъ мѣстахъ населеніе предпринимаетъ работы по отстройкѣ своихъ домовъ и что отстройка уничтоженнаго должна вестись на основаніи опредѣленныхъ нормъ и предписаній или по крайней мѣрѣ при помощи совѣтовъ спеціалистовъ, легко доступныхъ населенію. „Страна наша,—пишутъ авторы доклада,— по разнымъ причинамъ, главнымъ образомъ въ виду отсутствія общаго строительнаго устава, была застроена совершенно безсистемно; большинство городовъ и мѣстечекъ по своей постройкѣ не удовлетворяло элементарнымъ требованіямъ гигиены, пожарной и технической безопасности, а о деревняхъ уже и говорить нечего.

Въ виду этого, если бы нашъ край отстроился такъ же, какъ былъ ранѣе застроенъ, или, въ виду трудныхъ условій для строительства, даже еще хуже, чѣмъ передъ войной, то это было бы истиннымъ бѣдствіемъ“.

Главный опекунскій совѣтъ во избѣжаніе этого предполагаетъ создать особый „строительный отдѣлъ“, главными задачами котораго были бы выработка строительныхъ правилъ и окончательное утвержденіе представляемыхъ мѣстнымъ строительнымъ бюро плановъ отстройки селеній и мѣстечекъ. Мѣстныя же строительныя бюро, которыя предполагается образовать при всѣхъ провинціальныхъ опекунскихъ совѣтахъ, должны будутъ выработывать общіе планы деревень и мѣстечекъ, а также удовлетворять потребность населенія въ технически-строительныхъ свѣдѣніяхъ.

Продовольственное дѣло въ Варшавѣ.

Какъ сообщаетъ копенгагенскій корреспондентъ „Echa Polskiego“, варшавскій обывательскій комитетъ получилъ отъ нѣмецкихъ властей разрѣшеніе произвести въ Варшавѣ реквизицію всѣхъ предметовъ продовольствія, цѣны на которые подняты спекулянтами до небывалыхъ размѣровъ. Реквизированные продукты будутъ продаваться жителямъ польской столицы по установленнымъ цѣнамъ, въ тѣхъ размѣрахъ, какъ это опредѣляется наличностью запасовъ того или инаго продукта. Далѣе, обывательскій комитетъ открылъ „отдѣлу продовольствованія“ кредитъ въ размѣрѣ 5 милліоновъ рублей на закупку съѣстныхъ припасовъ.

На-ряду съ заботами о продовольствіи для населенія обывательскій комитетъ повелъ энергичную борьбу съ нищенствомъ, принявшимъ огромные размѣры. Неспособные къ работѣ будутъ помѣщаться въ богадѣлни и пріюты, остальнымъ же будетъ по возможности предоставленъ заработокъ. Профессиональнымъ нищимъ грозитъ тюремное заключеніе.

Въ скоромъ времени въ Варшавѣ и въ провинціи будетъ открыто до 1,500 дѣтскихъ пріютовъ, на 50 дѣтей каждый. Кромѣ того для обезпеченія дѣтей молокомъ обывательскій комитетъ намѣренъ ввести въ Варшавѣ карты на молоко.

Нѣмецкими властями установлена „норма“ для продовольствованія жителей гор. Варшавы. Каждый взрослый варшавянинъ получаетъ ежедневно 400 граммъ (около фунта) картофеля, каши и гороха—30 граммъ, муки—115 граммъ, мяса—15 граммъ, жировыхъ продуктовъ—10 граммъ и соли 15 граммъ. Всего по разнымъ карточкамъ каждому выдается 585 граммъ—около 1½ фунтовъ всѣхъ продуктовъ.

Сельское населеніе получаетъ хлѣба по 200 граммъ въ день. Каково самочувствіе людей, каждый кусокъ и глотокъ которыхъ нормируется властью, можно судить по меморіалу центрального земледѣльческаго общества въ Варшавѣ, которое обратилось къ гражданской администраціи съ ходатайствомъ объ увеличеніи порціи хлѣба для крестьянъ. Ходатайство мотивируется наступленіемъ полевыхъ работъ, непосильныхъ для недоѣдающихъ крестьянъ, и необходимостью сохранить здоровье населенія и производительность его труда. Власти разрѣшили довести порцію хлѣба въ деревнѣ до 9 килограммъ (около 22½ фунтовъ) въ мѣсяцъ на голову.

Варшавскія газеты сообщаютъ, что праздничнаго оживленія въ Варшавѣ было весьма мало. Магазины заготовили всякіе товары. Появилось, напримѣръ, много различныхъ пироговъ въ кондитерскихъ; невѣсть откуда взялась мука. Оказались въ колбасныхъ окорока и колбасы, совсѣмъ было исчезнувшіе изъ обращенія. Но всѣ эти товары не находили сбыта. Цѣны были такія высокія, что можно было лишь любоваться всѣми этими предметами сквозь окна, но на того, кто покупалъ окорокъ, смотрѣли какъ на чудище обло.

Въ теченіе праздничной недѣли цѣны были такія: мясо—70—77 коп. за фунтъ; свинина—до 1 р.; куры стъ 3 до 7 р. за штуку; а утка—до 8 р.; масло отъ 1 руб. 80 к. до 2 р. 50 к. за фунтъ; перловая крупа 40—55 к. ф. и т. д. „Gazeta Poranna“ утѣшаетъ населеніе тѣмъ, что оно бережетъ деньги благодаря необходимости урѣзывать себя во всемъ.

Въ Лодзи дачныя мѣста—Вишнева Гора, Руда Пабіаницка и др. готовятся къ лѣтнему сезону. Но пока во всякомъ случаѣ нанимателей нѣтъ. Многіе сдаютъ свои квартиры, чтобы лѣто провести гдѣ-нибудь подальше въ глухой деревнѣ, у родныхъ и т. п.

Нищета даетъ себя знать, несмотря на весьма рѣшительныя мѣры, принимаемыя нѣмцами для сокрытія ея. Открытіе дома призрѣнія не уменьшаетъ числа нищихъ, появляющихся на улицахъ въ безобразнѣйшихъ лохмотьяхъ. 21 апрѣля въ Лодзи послѣдовало новое распоряженіе о томъ, чтобы всѣхъ лицъ, появляющихся на улицахъ въ лохмотьяхъ и производящихъ угнетающее впечатлѣніе своимъ видомъ, задерживать и содержать подъ арестомъ до тѣхъ поръ, пока они не приведутъ свое платье въ порядокъ. Мѣстная нѣмецкая газета увѣрена, что населеніе будетъ въ восторгѣ отъ этой мѣры!.

Въ дѣйствительности же рѣчь идетъ не только о лохмотьяхъ и о систематическомъ уменьшеніи населенія. Такъ, перепись, произведенная въ Сувалкской губ., опредѣлила разгрузку населенія въ 63,410 человекъ.

Но нѣмцы интересуются не столько этимъ, сколько германизаціей, продолжая больше всего налегать на открытіе нѣмецкихъ школъ. Газета отмѣчаетъ всякій шагъ въ этомъ направленіи. „Первый нѣмецкій учитель въ Вильнѣ“—озаглавлена, напримѣръ, статья.

Театры попрежнему дѣйствуютъ. Въ оперномъ театрѣ Варшавы ставится, между прочимъ, „Ев-

геній Онѣгинъ“, въ драматическомъ „Доходное мѣсто“ (на польскомъ языкѣ). Извѣстный богословъ Гарнакъ прїѣзжалъ въ Варшаву для чтенія лекцій офицерамъ съ Безелеромъ во главѣ.

Газеты сообщаютъ объ открытіи пассажирскаго движенія на новой желѣзнодорожной линіи Руда—Ржговъ—Тушинъ.

Принудительныя работы въ Польшѣ.

„Gazeta Polska“ сообщаетъ, что въ оккупированной Австрійцами Польшѣ установлены принудительныя работы по обработкѣ полей. Согласно приказу главнаго коменданта оккупационной арміи, каждый житель Польши, имѣющій въ своемъ распоряженіи клочокъ земли, обязанъ обработать его, засеять, собрать урожай и цѣлесообразно его использовать. Кромѣ того, согласно того же приказа, каждый житель оккупированной области обязанъ, по требованію властей явиться на сельскохозяйственныя работы.

Для наблюденія за исполненіемъ этого приказа и для регулированія работами и рабочимъ населеніемъ, установлены особыя комиссіи въ каждой гминѣ. Въ комиссію входятъ отъ пяти до семи человекъ мѣстныхъ обывателей, назначаемыхъ окружными комендантами, которымъ эти комиссіи и подчиняются.

Принудительнымъ работамъ подлежатъ одинаково какъ мужчины, такъ женщины. Отъ этого новаго вида крѣпостного права освобождаются только лица, занимающія общественныя должности и совершенно неспособныя къ труду. Вознагражденіе за принудительныя работы получаютъ только тѣ, кто живетъ заработкомъ. Вознагражденіе это устанавливается комендантомъ.

Земли свободныя, брошенныя ихъ хозяевами, поступаютъ въ распоряженіе гминной комиссіи и она, принудительнымъ же порядкомъ, поручаетъ обработку ихъ тѣмъ лицамъ, которыя окажутся способными къ выполненію этой работы, или же гминамъ и деревнямъ.

Все неподчиняющіеся этому приказу или выполняющіе его неакуратно будутъ подвергаться суровымъ наказаніямъ.

Приказъ будетъ имѣть силу до уборки урожая настоящаго года.

Призывъ добровольцевъ въ Царствѣ Польскомъ.

„Gazeta Polska“ сообщаетъ, что нѣмецкія власти въ Варшавѣ опубликовали объ открытіи записи для пріема добровольцевъ, желающихъ поступить на службу въ нѣмецкую стражу или въ обозъ для службы въ тылу нѣмецкой арміи на весьма выгодныхъ условіяхъ. Записавшіеся принимаются на военную службу и, естественно, со временемъ могутъ быть посланы на фронтъ. Запись въ Варшавѣ идетъ слабо.

Та же газета сообщаетъ, что изъ разныхъ мѣстностей Царства Польскаго приходятъ извѣстія объ энергичной вербовкѣ нѣмцами мужчинъ, способныхъ носить оружіе. Изъ этихъ новобранцевъ формируются отряды для несенія службы въ тылу арміи. Извѣстія эти сильно беспокоятъ польское общество, которое видитъ въ этомъ скрытую мобилизацію польскаго населенія.

Просьба къ римскому папѣ.

„Gazeta Polska“ сообщаетъ, что на послѣднемъ засѣданіи главнаго опекунскаго совѣта въ Варшавѣ постановлено обратиться къ св. отцу съ адресомъ, въ которомъ совѣтъ изображаетъ положеніе края въ отношеніи снабженія его предметами продовольствія и умоляетъ святого отца о заступничествѣ передъ англійскимъ правительствомъ въ цѣляхъ полученія согласія Англій на подвозъ къ Царству Польскому продовольствія изъ Америки. Адресъ будетъ посланъ при посредствѣ папскаго нунція въ Мюнхенѣ.

СОДЕРЖАНІЕ. Отдѣль I. Высочайшія награды.—Епархіяльныя извѣстія и распоряженія.—Отдѣль II. Впечатлѣнія госпитальнаго священника.—У нашихъ враговъ и у насъ.—Вѣсти изъ Варшавы и Царства Польскаго.

Редакторъ, Протоіерей В. Шингаревъ.

Дозволено цензурою. Москва. 15 Мая. 1916 г. Цензоръ, священникъ *Іаковъ Козловскій.*

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.